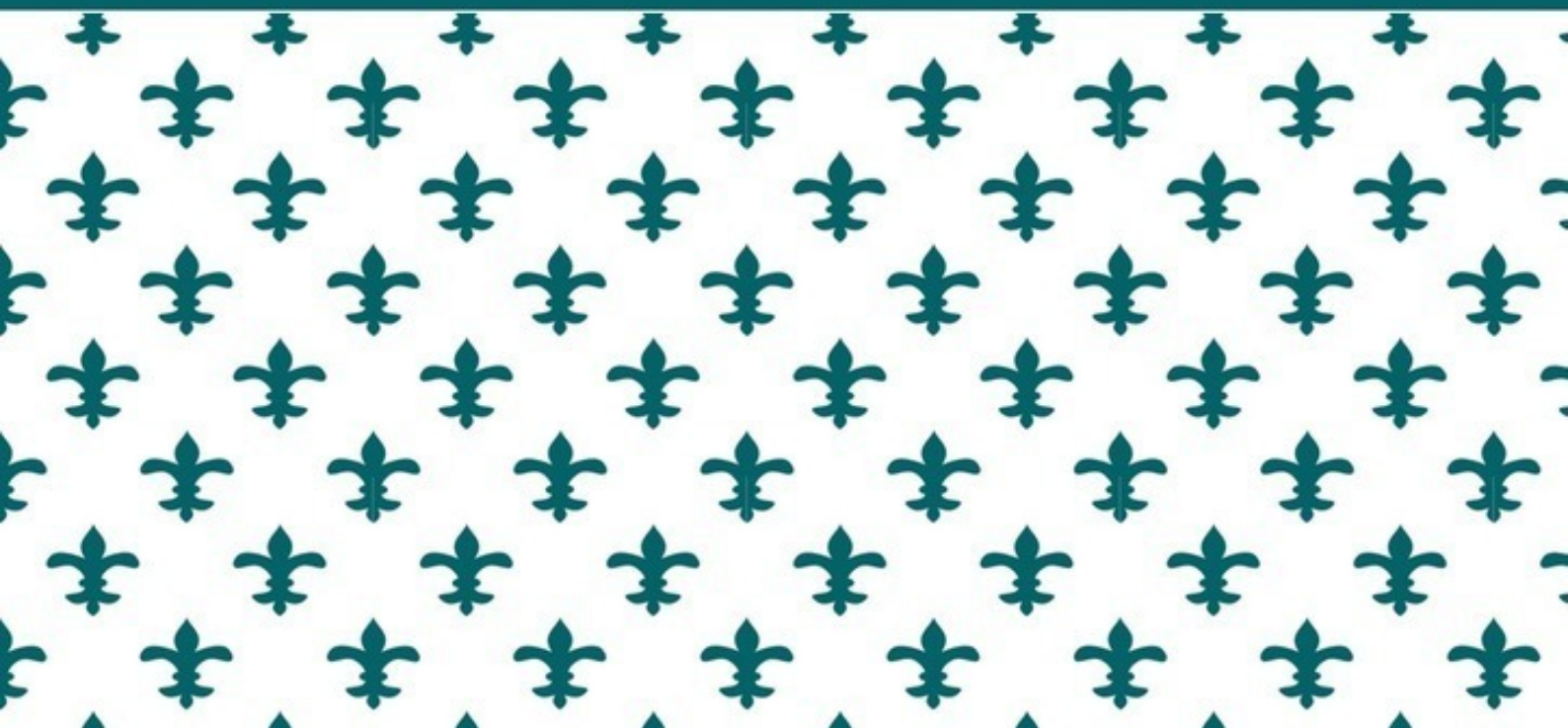

Мария Буркова

*ЛОГГ.
Роковая
свадьба*

2-я часть триптиха «Спаси императора»

Мария Буркова

**ЛоГГ. Роковая свадьба. 2-я часть
триптиха «Спасти императора»**

«Издательские решения»

Буркова М.

ЛоГГ. Роковая свадьба. 2-я часть триптиха «Спасти императора» /
М. Буркова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850262-0

Содержание всей фабулы ЛоГГа столь сложно и перегружено событиями и различными колоритными эпизодами, что возникла необходимость изложить их в виде триптиха, в разной манере и скорости повествования.

ISBN 978-5-44-850262-0

© Буркова М.
© Издательские решения

Содержание

1. Женское зеркало монарха	6
2. Призрак Яна Вэньли	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

ЛоГГ. Роковая свадьба

2-я часть триптиха «Спасти императора»

Мария Олеговна Буркова

*Шаг из орлеанского предместья
В горло истребительной войны...
Стоила костра корона в Реймсе —
Лилии не стоили Цены.*

*На броне и в ордах Чингисхана
Пол—вселенной пройдено давно.
Проигрались в кости — черепами,
Где народы — ставка в казино.*

*Начерно тасуется колода,
Крапленые карты у судьбы...
Если где мерещится свобода —
Вслед за ней появятся гробы.*

*На клинке меж адом или раем,
Как канатоходец — на краю,
Что пою — давно не выбираю,
Выбираю то, что не пою!*

Алькор. «Цена»

© Мария Олеговна Буркова, 2017

ISBN 978-5-4485-0262-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Женское зеркало монарха

И вовсе не холодно, заметим. Нисколько не холодно – и даже плащ, похоже, всё-таки лишний, ну да ладно. Как странно – вроде ничего не изменилось, остался сам собой, тем, каким пришёл к нынешнему дню. Но вместе с тем – совсем другой стал при этом, а как это объяснить, ума не приложу. А, спокоен я полностью, вот что. Не боюсь больше ни на каком уровне сознания, что случится что-то, с чем не смогу справиться ни я, ни ещё кто-то. И я не стою и не бегаю, просто живу – тоже непривычное ощущение. Итак, мне гораздо лучше – даже не дёргаюсь, опасаясь, что зрение пропадёт в неподходящий момент или упаду, как не раз случалось раньше. Райнхард молча улыбался про себя, наслаждаясь непривычным спокойствием, похожим на полуденную тишь в парке. Он вспомнил лицо Оберштайна, столько раз скрывавшего тревогу по его душу – эх, и сколько раз он замечал, делая вид, что лежит в кресле с прикрытыми глазами, как озабоченно глядел на него главный советник, с каким искренним беспокойством он наблюдал за ним почти сразу, как поступил на службу. Оттого Кирхайс и ревновал, возможно, полагая, что кроме него никто не должен всерьёз волноваться о Райнхарде настолько. Всё же, насколько страшнее всё это выглядит теперь, по прошествии стольких лет, хотя и помнится столь свежо, как будто вчера было. Пока казалось, что силы никогда не кончатся, всё воспринималось довольно легко – не то стало, когда вообще не смог встать однажды. А сейчас, когда масштабы тогдашней авантюры отчётливо видны, как и то, как на деле и чем рисковали – просто страшно. Интересно, лет через пять нынешняя ситуация тоже будет слегка ужасать? Или я буду воспринимать это, как удачный прыжок через пропасть, или, тоже похоже, как вовремя прибывший за мной патруль, забравший меня с опасной территории, где смерть в полушаге уже от меня стояла? Ладно, неважно. Сегодня у меня странный бой, на паркетном фронте, что называется – что ж, будем осваивать и такую деятельность, новую сейчас несколько, отвык... Кстати, Оберштайн порадовал нынче, именно сегодня он взглянул на своего сюзерена без всякой тревоги – это насколько ж надо хорошо выглядеть, чтоб вечно озабоченный «Его Подколодие» совсем не волновался и не хмурился? Стало быть, всё идёт, как надо.

Молодой император неспешно вышагивал по коридорам с сопровождением, с удовольствием ощущая на коже под одеждой нательный крест – и едва ли не впервые радуясь жизни без оглядки на что-то ещё. Ничего не угнетало, никакая проблема не нависала над головой, ничего не заставляло через силу разворачивать плечи, да и боль, прятаясь постоянно где-то внутри, ухидившая в инфра-шум и нывшая всё равно постоянно, даже под порогом ощущений, исчезла полностью. Воевать в таком бравом виде – просто удовольствие, думал Райнхард и весело предвкушал момент, как удивится и обрадуется Катерозе, узнав, что он видит. А вот её женишок явно не обрадуется, а сделает вид, отчего-то пришла не очень весёлая мысль, переходящая в необъяснимую уверенность. Может быть, и нехорошо приписывать пареньку такие мысли, но интуиция упорно вещала, что это так, без всяких на то пока что оснований. Значит, многое успело измениться за эти три недели. Поглядим, насколько, это даже интересно уже.

Райнхард остановился перед покоями невесты, жестом приказав не следовать никому за ним – хотелось застать Катерозе врасплох, да и ощущение, что придётся обсуждать дела с автономией Хайнессена, было по-прежнему стойким. Кроме того, уже перед порогом он почувствовал, что что-то не то происходит, не то вот-вот произойдёт, и не хотел лишних свидетелей. Опасности он не ощущал, но любопытство настойчиво зашевелилось внутри, желая поскорее найти притаившийся именно здесь сюрприз. Дверь тем не менее удалось открыть совершенно бесшумно, и молодой император ловко исчез за ней, ступая, как дикий кот – абсолютно неслышно...

Приёмная перед будуаром была пуста, но дверь в него была вовсе не прикрыта – вероятно, это осталось полностью незамеченным героиней. Четверть часа до назначенного времени, вспомнилось автоматически – чем занята, доведением наряда до нужного вида, или чем другим? Второе, второе, однозначно – голос у Катерозе был вовсе не слабенький, и она азартно разговаривала с кем-то. Райнхард решил осторожно понаблюдать, не выдавая своего присутствия, и очень аккуратно заглянул в залитое солнечным светом из окна помещение – всё верно, из тёмной приёмной он пока совсем не виден, да и дама стоит к нему спиной и смотрит вовсе не в зеркало, что чуть в стороне, а в экран связи, что расположен себе на подоконнике. Даже можно чуть различать собеседницу – эффектная блондинка в синем платье для коктейля... До чего забавная сцена – дамы столь поглощены разговором, что вряд ли могут замечать что-то вообще, однако выглядывать и обнаруживать себя не стоит ни в коем случае. Роскошь свадебного платья, конечно, бросалась в глаза, но Райнхард её почти не отметил, будучи с порога заинтригован тем, что пришлось услышать.

– Да кислый вопрос, Эсмеральда, что делал Юлиан, – с апломбом разгневанной начальницы вещала Катерозе, подбоченясь. – Честно говоря, пьянствовал, как последний забулдыга из комбинатского отребья, как он будет свадьбу теперь вывозить после такого запоя, для меня загадка. Я ведь ожидала, что Император быстро укажет ему, где его место, но совершенно не учла, что сия ранимая душа это так воспримет, ха-ха-ха. Мы с тобой на такие страдания сил не тратим, право, к чёрту все эти охи о судьбах человечества. Что касается Аттенборо, то его нужно срочно женить уже по прибытии, он для этого вполне готов, возьмёшь себе или как?

– Э, широкий жест, однако, – со сдержанным смешком отвечала собеседница, – но я, право, не знаю, подумать надо. А ты не выглядишь опечаленной совсем, аж не верится, что Юлиан безобразил.

– Разве Юлиан относится к тем людям, что могут меня теперь опечалить? – весело расхохоталась Катерозе, покачав головой. – Ошибочка, это уже пожухлые листья от былой славы Яна Вэньли, просто поневоле приходится об это пачкаться, что поделать. Памятник Ройенталю готов?

– Да, парни Йозефа занимаются этим делом, как раз откроем, когда будешь лететь сюда, примерно, – произнесла Эсмеральда деловым тоном и тут же перешла на дружеский. – Но Карин, ты ведь выходишь за Юлиана, – в её голосе появилась вполне искренняя скорбь, – как же это, раз уже не любишь?

Её собеседница с вызовом пожала плечами:

– Тебе-то что за печаль? Я не могу себе позволить выйти за того, кого люблю, но кого это может интересовать, сама посуди? Это совершенно неинтересная никому тема, лучше думай, как пристроить Аттенборо – этот кадр ещё не пропащий, с него толк может быть. Может, так и оставим его адмиралом в виде свадебного генерала, ах-ха-ха?!

– Карин! – едва ли не с мольбой произнесла Эсмеральда. – Ну это же ужасно, выходить не за того, кого любишь!

Катерозе фыркнула, нимало не смущаясь.

– Да, это не очень приятно, но не настолько, чтоб стоило всерьёз обращать на это внимание. Слушай, а ты чего хочешь от брака – я тебе дважды Аттенборо предложила, чем он тебя не устраивает? Точнее, что тебя устроит – а то имперские дамы с запросами побольше наших, так может, пошариться тогда среди сержантов в гарнизоне прямо на Хайнессене следует?

– Да что ты о моём замужестве долдонил, оно ещё не завтра, а ты сейчас ужасный поступок совершаешь! – вспыхнула собеседница.

– Чего? – нарочито холодно произнесла Катерозе очень спокойным голосом, в котором без труда угадывались грядущие раскаты грома. – Как эти слова понимать?

– Да так и понимать, как оно есть! Это недостойно тебя, Карин!

– Так, – Катерозе выразительно медленным движением сложила руки на груди, – ты хочешь мне сказать, что я совершаю недостойное деяние, что ли? Ты мне сейчас это говоришь?

– Да, Карин, да!

– Вуаля, – холодно присвистнула Катерозе, слегка взявшись притоптывать правым носком, – а ты кто у нас, Эсмеральда? – проникновенно произнесла она, подняв подбородок чуть выше.

– Чего? – опешив, выронила собеседница, не сумев даже закрыть рот.

– Я спрашиваю, Эсмеральда, ты кто? – проговорила столь ледяным и каменным тоном Катерозе, что та, к которой было обращено это полное высокомерного безразличия заявление, натуральным образом поперхнулась и явно ненадолго разучилась говорить.

Райнхард почувствовал себя очень неудобно и замер на месте, как будто его тут не было. Возникло страстное желание закрыть глаза, но осуществлять его было никак не возможно. Катерозе тем временем не собиралась ждать ответа и проговорила прежним тоном, чуть повысив голос:

– Эсмеральда, я спросила, ты мне кто, изволь ответить немедленно. Ну?

– Госпожа Катерозе, – убитым голосом проговорила побледневшая собеседница, – простите.

– Какого чёрта?! – рывкнула фройляйн фон Кройцер так, что вздрогнул бы кто угодно. – Быстро отвечай, кто ты! От тебя ещё такой пакости я не дожидалась!

– Я ваша покорная слуга, госпожа Катерозе, – тихо произнесла Эсмеральда, потупившись, – простите, пожалуйста.

Райнхард против воли ощутил, что сердце рухнуло куда-то глубоко под пол и закатилось неведомо куда.

Надлежало срочно продышаться, прогнав от себя некоторые призраки прошлого, а дышать глубоко и тихо – это уже некоторая проблема... Катерозе резко уложила обе руки на талию, при этом сделав бурное движение корпусом и наклонив голову, что давало чёткое представление о том, что она попросту взбешена:

– Ах, так! Какая дивная подстава – ты мне всего лишь слуга теперь, да?! – проревела она тембром дикой зверюги. – И больше ничего, стало быть?! С каких это пор ты научилась таким ударам в спину, Эсмеральда, поделись-ка столь ценным опытом! Может быть, ты мне все эти годы лгала успешно, а? Что и говорить, сразу видно, что дружба – это мужская привилегия, а у нас её в природе не бывает, спасибо за доказательство!

– Катерозе, не надо! – с ужасом донеслось с того конца связи. – Не надо, пожалуйста!

– Чего не надо?! – продолжила рычать фон Кройцер в том же духе. – Чего не надо? Тебе плевать, как я себя чувствую, тебе же главное – всласть почистоплюйствовать, значит! Отлично, буду знать, что на тебя мне рассчитывать больше не приходится, ты у нас так, просто слуга мне! Могла бы в таком случае и заранее предупредить, а не сейчас, когда мне поддержка нужна, подлая ты сущность! Всё, можешь быть свободна, о марьяже мы больше не будем говорить – со слугой не обсуждают ничего важного, – она выпрямилась в струну и снова сложила руки на груди, добавив уже ледяным тоном. – Все вопросы на сегодня, стало быть? Или ты ещё чего забыла сообщить?

Пауза была крохотной, но показалась явно длиннее, чем она была на самом деле – Катерозе чуть повернулась в профиль к экрану связи и предстала перед созерцавшим её мужчиной во всём слепящем великолепии женской красоты в наряде невесты, сногшибательной во все времена. Легендарные царицы всей истории человечества могли бы сейчас позавидовать этой рыжей валькирии – что осанке, что манере держаться, а тем более, что девушка была чудо как хороша и казалась более юной, чем любая восемнадцатилетняя леди. Тем не менее, грозы в её облике сейчас было ничуть не меньше, чем нежности, усиливаемой запахом белых лилий, наколотых поверх пышного кринолина, положенного по протоколу действия. Наряд был полно-

стью завершён – только фата у Катерозе была слишком короткая, только до плеч, и подвернута сейчас поверх причёски – явно оттого, что разговор по связи был для неё важен, и лицо требовалось держать открытым. Оно казалось высеченным из алебаstra – а молнии в карих глазах сверкали ничуть не слабее настоящих. Однако невеста ощущала себя, видимо, не в этом качестве вовсе сейчас вовсе – и щелчки пальцами через перчатки у неё получались не тише обычных. Даже каблук не шевелится, автоматически отметил Райнхард. Не то самообладание такое, что поискать ещё надо подобное, не то слишком хорошо знает, что делает – но не хотелось бы ни разу оказаться на месте того, к кому такое обращение адресовано... На третьем щелчке пальцев, вполне себе сходявших за грохот в наступившей тишине, собеседница грозной дамы в белом крикнула уже с настоящей мольбой:

– Карин!

– Чего? – убийственно ледяным тоном поинтересовались в ответ.

– Карин, прости, это была дурасть с моей стороны!

– Да ещё какая дурасть, – холодно усмехнулась Катерозе, не меняя выражения лица, – угробить всё дело из-за дешёвых сантиментов. Ты не годишься в напарники уже или не хочешь больше помогать мне? Мне этот момент непонятен, – добавила она спокойно и рассудительно, будто и впрямь крепко задумалась, и снова щёлкнула пальцами.

– Карин, ты же знаешь, что я всегда с тобой, что бы не случилось! – прежним тоном выпалила Эсмеральда.

– Типа того, – с холодной грустью произнесла Катерозе, слегка пожав плечами, – да только услужливый дурак опаснее врага, если помнишь.

– Карин!

– Блондинка ты, блондинка, Эсмеральда, – сокрушённо покачав головой, проговорила её начальница уже заметно потеплевшим голосом и повернулась лицом к экрану связи, – куда тебя несёт, а? Хочешь соскочить с трассы – пожалуйста, ступай замуж за кого попало, даже и за имперского солдата. Только, чур – не выть потом, что тебя заперли на кухне и детей ты слишком рано нарожала целую кучу! Особенно, когда овдоеешь невовремя, потому что ни черта мы сделать не успели, как собирались, – она подбоченилась совершенно спокойным жестом и чуть подняла голову. – Ты что, думаешь, в Империи всё в ажуре и достаточно туда выскочить, чтоб спокойно жить? Да режим Гольденбаумов оттого и прогнал, что их бабы сели на шею своим парням и ноги свесили! Придавили за пятьсот лет так, что ребята упали от изнеможения, тащить на себе всё. Ну, давай, подождём, когда Лоэнграмм выдохнется окончательно, разгребая этот бардак, погибнет, и на него же свешают всех собак свои и наши паразиты. Ты не отсидишься, даже и не рассчитывай на это – грохнут и тебя скоренько, и детей поизувернее – мне ли тебе припоминать, как это у нас в гаражах делается, а?

– Карин, я ни от чего не отказываюсь, пойми! – истово продолжала уверять Эсмеральда. – Ну, сморозила дурасть, ну, с кем не бывает, не злись.

– Ха, ещё одна дурасть – чего мне злиться-то тут, Эсмеральда? – холодно усмехнулась Катерозе. – Не по формату эмоция. А вот дурасти себе позволять у нас с тобой права нет – мы же не мужчины, с нас и спрос другой будет потом. Всё-таки, какая скотина человек вообще и женщина в частности: чем лучше к ней относишься, тем паскудней она себя ведёт, верно?

– Да мы с тобой не раз об этом говорили уже, – с грустью поддержала собеседница. – Кабы Ян взял чин имперского адмирала, ему бы слова никто на родине плохого вслед не сказал, вопреки его собственным представлениям.

– А кто мне чего в таком случае скажет там?! Ты тоже одна додумалась мне мораль прочесть, не сомневайся!

– Карин, я же за тебя беспокоюсь, тысяча чертей! – рыкнула уже Эсмеральда с немалым апломбом.

– Да ну? – великосветским тоном отпарировала Катерозе, не шевелясь. – А по ходу, так ты нарушаешь субординацию невовремя и не по делу, да и вся недолга.

Райнхард ощутил, что его кидает фактически в жар. Что за чертовщина творится тут у него под боком, в самом деле?! Мало того, что дамы ни разу не шутят, так ещё и рассуждают о нём, самовластном правителе Галактики, как о неодушевлённом предмете! И заставили понервничать даже. Нет, это всё становится слишком интересным, нужно пронаблюдать подольше, этак ещё что невероятно новое придётся услышать...

– Карин, ну сколько извиняться-то можно, а? – уже слегка закипятилась собеседница.

– Раз так стоит вопрос, то что нужно сказать, а? – вполне себе спокойно хмыкнула та, к кому обращались, слегка пожав плечами. – Хреново у нас с тобой по теме субординации, сама вижу.

– Зиг Лознграмм? – растерянно произнесла Эсмеральда, впрочем, как отличница, помнящая урок.

– Сгодится, не всё ж июльские звёзды вспоминать, – со спокойным апломбом командира пожала плечами Катерозе. – Что там у нас с кредитом на кондитеров? Получен?

– Да, невестке Яна Вэньли, похоже, дают деньги, не глядя, – весело усмехнулась собеседница, – даже ничего не уточняя толком. Кстати, у нас без тебя тут новая мода, глянь, – Райнхард сумел-таки рассмотреть, что говорившая лихо нахлобучила на лоб республиканский армейский берет... без символики Союза, факт, потому что на нужном месте красовалось золотое изображение геральдического льва его династии... – Вся абитура, нацепившая нынче на экзамены такую тему, была принята сразу на дневное отделение университета! Представляешь теперь, сколько стоит это на чёрном рынке? Казельн же изъял всё со складов заранее.

Катерозе весело рассмеялась, запрокинув голову вверх.

– Кто подсказал? Йозеф опять, да?

– Сами с усами, – с напускной ненастоящей обидой в голосе произнесла Эсмеральда, надув губы. – Между прочим, профессура истфака нынче гуляла корпоративно на море, отмечая выдачу дипломов. Так вот, она корпоративно утонула вечером вместе с грудой бессмертных трудов о теории республиканского дела, учти. Такая вот грустная новость, но все уверены, что пить меньше было надо, разумеется, хи-хи.

– Неплохой корм рыбам, – весело усмехнулась начальница, нисколько не удивившись, – только не потравились ли бедняжки таким количеством апологетов передовых идеалов, а? Ещё хорошо бы разобраться с пединститутом в такой же манере, право.

– Теплоход идёт мимо пристани..., – весело пропела собеседница тоненьким сопрано.

– Мы идём широкими полями, – отозвалась Катерозе строчкой на совсем другой мотив и прибавила исключительно деловым тоном. – Ладно, что там с закладкой храма? Оптинские уже прибыли, или Йозеф сам хлещется?

– Да прибыли третьего дня, а не то говорила бы ты сейчас с ним, а не со мной.

– Тэк-с, погоди, тут мои балбесы прибыли, я гляну в окно, в каком они виде, а то кабы не вышло чего не того, – озабоченно проговорила фройляйн фон Кройцер и проворно подскочила к подоконнику вплотную.

Райнхард воспользовался шумом от пышных юбок, чтобы унять подло подступающий к горлу кашель и продышаться быстро и глубоко. Так вот она какая, на деле, автономия Хайнессена, чёрт возьми!... Вместо радости бока колет приступ ревности – его подвинули в сторону, как мебель, и весело резвятся! Впрочем, стоит ли так болезненно реагировать, всё же? Если бы подобный разговор осуществлялся не юными дамами, а обычными мужчинами, захватило ли бы это его внимание настолько сильно? Трудно сказать, возможно, он бы уже давно вмешался в обсуждение сам. Хотя... помнится, один тяжёлый разговор у него однажды закончился на рефрене «ты кто?!», а на другой день случилось непоправимое... Что за звериный вопль, как у раненой дикой кошки?

– Ааа, ну какие же они уроды-то, оказывается, это ж невообразимо просто! Ну что за него-дзяи, а, спрашивается, это тупость или предательство?! – завывала прегорьким тоном Катерозе, схватившись за виски. – Да как же они посмели, оба, на моей-то свадьбе себе такое позволить, не-ет, этого я им никогда не прощу, урою, обоих урою!

– Карин, что там?! – изменившимся соответственно моменту голосом позвала Эсмеральда. – Что такое?!

Катерозе проворно отскочила от окна на прежнюю позицию и охотно взялась пояснять собеседнице, сжав кулаки и согнувшись едва ли не пополам:

– Представь, они протащили как-то сюда свои армейские парадные мундиры! Кажется, Юлиан папашин нацепил, у него этих белых тряпок отродясь не было! Выставились, придурки республиканские, будто у себя дома в переулке! Сейчас это барачное отродье ещё пробки от одеколona из карманов достанет и прыгать с ними на тротуаре начнёт, видимо! – она схватила руками экран и повернула его в нужную сторону, дабы собеседница могла убедиться, что происходит именно то, о чём было сказано. – Ну ни ума, ни фантазии, ни чести, ни совести! Видишь, как тупо скалятся? Они ещё и горды собой и рады, получается! Нет, никогда не думала, что до такого позора дожить придётся, оооо!

– Мама, кого ты нам вырастила! – оторопело раздалось в ответ голосом Эсмеральды. – Им даже Изерлон без толку, оказывается, ничему не научились...

Райнхард поймал себя на том, что весело улыбается, и проворно скользнул к двери из приёмной.

– Эмиль, мой парадный палаш сюда, будь любезен, – вежливо бросил он, открыв дверь в коридор, затем снова прикрыл её и неторопливо двинулся прежним церемонным шагом правителя Галактики, дабы возникнуть на пороге будуара уже согласно статусу наречённого отца невесты, как и полагалось по протоколу.

Катерозе как раз прихлопнула крышку экрана связи и, уложив его на подоконник, чуть успела отойти от окна, повернувшись спиной к зрелищу, порядком вымотавшему ей нервы. Хотя она и попыталась привести их в порядок, понимая, кого она сейчас увидит, остолбенеть от восторга это ей никак не помешало. К такой детской непосредственности Райнхард просто не привык – полагая, что гость по-прежнему не видит ничего, молча стоять и глазеть с обожанием. Вот ведь ребёнок, не вышколенный ни разу имперским воспитанием, в старом Рейхе на колени бы грохнулись автоматически, увидев парадный мундир. С другой стороны, видеть такой радостный взгляд просто приятно – без необходимых пиететов согласно статусу и порядку чинопочитания... Итак, я не объект, с которого можно что-то выгодно получить, а просто человек, вызывающий радость? Приятно побыть в таком качестве, вне всякого сомнения. Ну-ка, если сделать навстречу несколько шагов самому, она ведь ещё ничего не знает, поглядим, с каким чувством она это пронаблюдает... Ого, да она же просто по-настоящему беспокоится за меня, только и всего! Только и всего... ничего ведь лучше и быть не могло! Похоже, во мне впрямь видят не императора, а только человека? Какая редкость, право. Даже жаль, что придётся сейчас всё это разрушить. А ведь дамочка при этом очень непростая. Интересно, а как мужчина я на неё тоже действую, надо полагать? Вгляд-то очень сильно Хильду напоминает, когда ругались с ней по дороге к Изерлону, дабы выловить этого хитреца Вэньли. Ну да Хильда – это ж котёнок такой маленький, хоть и способный порой превращаться в сильную кошку, вроде той, что встретила меня, больного уже, на Феззане. А это даже не дикая камышовая кошка и не рысь уже, это просто леопард вообще какой-то, вполне взрослый и опасный для всех остальных. Вон, глазищи-то какие, якобы карие, а на деле из тех, что и зелёными, и синими стать могут порой. Любопытно, что волна от неё в точности такая же, как и перед дуэлью с её женишком – это хорошо, значит, натура цельная. М-да, жаль такое сокровище ставить с рядом этим лейтенантиком, просто жаль, тут надо не меньше, чем на полковника

заработать, чтоб о такой красоте мечтать даже. Вэньли, урод, и здесь ты мне всё портишь, хоть и мёртвый уже столько времени...

Райнхард приблизился едва ли не вплотную, продолжая веселиться про себя, раз за разом отмечая, что Катерозе начинает проникаться смутным подозрением, что он зрячий... Умная девочка, успевает наблюдать и усваивать информацию, действительно, настоящий воин. Настоящее наказание для этого упёртого республиканца – ему бы не жениться на этой рыжей валькирии, а бежать от неё, куда глаза глядят – руководствуясь инстинктом самосохранения, право. Да к чёрту этого назойливого сопляка – хотя бы сейчас, точно...

– Такой красавице действительно не стоит менять фамилию при замужестве, – лучезарно улыбнулся Райнхард, остановившись и беззастенчиво разглядывая чужую невесту. – Я лично подписал твоё прошение, Катерозе, вчера, – и, увидев бешеный восторг в её глазах, весело кивнул, подтверждая её догадку, и по-приятельски подмигнул.

Дальнейшее его просто обескуражило и привело на некоторое время в настоящее замешательство – девушка рухнула к его ногам и порывистым движением обняла его колени:

– Вы... видите, Ваше величество?! – проговорила она срывающимся голосом. Эге, вот такого потока чувств просто не ждал...

– Да, Катерозе, полностью, чему немало рад, разумеется, – побольше бесшабашного веселья в голос, чтоб невозможно было заподозрить, что меня разнесло, как вскрывшуюся весной реку...

Нет, это уже невозможно, смотреть на меня такими полными детских слёз глазами и с таким искренним обожанием... Куда мне девать лицо, а? Опять в колени мне уткнулась носом, вот ребёнок...

– Ваше величество, Господь да не оставил Вас Своей милостью! Это лучшее, что могло случиться нынче!

А вот это уже интересно. И даже приятно. Так, проверим. Надеюсь, она сейчас не расплачется – а то вполне логично было бы, раз так понервничала.

– Катерозе, Господь благ и человеколюбец, так что нам нечего бояться, успокойся уже. Вставай.

Ишь ты, как иной раз легче, если просто приказать. Райнхард галантно помог, поддерживая девушку под локоть. Эх, как похожа сейчас на Хильду, когда отсылал её от себя перед Вермилионом – та также на меня тогда смотрела. Занятные вещи иной раз в мире происходят – вот так бы и обнял сейчас её, как настоящий папаша или старший брат, к примеру.

– А нервничать из-за Юлиана не стоит – уроним дурака ещё раз, раз он не понял ничего, – слегка усмехнувшись и весело прищурившись, барским тоном произнёс Райнхард. – Ты ведь не откажешь императору, если он пригласит тебя на танец после церемонии? Да и хайнессенским полезно будет локти покусать, верно?

Ох, до чего же она дисциплинирована, оказывается, сразу все эмоции в кулак зажала...

– Великолепный ход, Ваше величество, – церемонно произнесла девушка, изящно и быстро выполнив поклон не хуже любой придворной эпохи Гольденбаумов, – я и сама хотела Вас просить об этой милости исключительно из этих соображений.

Грустно. Теперь передо мной адмирал в юбке, да и всё. Впрочем, разве этого мало, ха-ха? Бедные хайнессенцы! – знали бы они, что их ждёт, что за аз воздам, уж лучше даже мне не думать об этом...

– Значит, сработаемся? – вежливо спросил император, не замечая тихой грусти в своих словах.

Только кивок, поклон и жёстко протокольные движения. М-да, очень резкая девушка, очень... Даже страшновато.

– Катерозе, – неторопливо и задумчиво произнёс Райнхард, чуть склонив голову, – мне не очень нравится происходящее. Но уж быть по сему, раз ты так хочешь.

– Это необходимость, Ваше величество, – ну вот, хоть немного прежняя девчонка проступила, уже хорошо. – Кое-что приходится делать не так, как хотелось, но игра стоит свеч, поверьте. Отдохните уже от этой каторги с Новыми землями, Вы и так сделали больше, чем могли. Силы Вам ещё ой как понадобятся через некоторое время, когда в старой Империи поймут, что Вы не пошутили и назад ничего не вернуть. А со своими я здесь разберусь, нечего Вашими людьми уже бросаться, тут своя специфика дела, им неизвестная.

Райнхард сам не заметил, что замолчал на приличное время. Затем вздохнул и тихо произнёс, не видя перед собой уже ничего, кроме синей бездны, наполненной августовскими звёздами с Одина:

– Только ты уж возвращайся, Катерозе, однажды. Хоть ненадолго. А если будет вовсе скверно, бросай всё и приходи – иногда мне хочется сжечь всё напалмом, лишь бы мои люди не погибали там, куда ушли по моим делам.

– Это мой выбор, Ваше величество, – жёстко произнесла она, и он, почувствовав, что его ладонь крепко сжимают девичьи пальцы, пришёл в себя и ошалело уставился на неё, – и я разберусь с этим сама. И я вернусь, не сомневайтесь, – её глаза стали ничуть не менее стальными, чем классическое длинноклинковое оружие солдата удачи, – тем более что никакого спокойствия Галактику не ждёт, как бы не врали всем об этом желающие так думать. Я вернусь, когда снова понадобится, Ваше величество.

– Хорошо, я не возражаю тогда, – едва заметно улыбнулся Райнхард, и, услышав наконец шаги Эмиля, поспешил двинуться ему навстречу, дабы тот не увидел, сколь близко пришлось стоять к собеседнице.

Катерозе застыла в церемонном поклоне, опустив очи долу не хуже сестры, успел он отметить, принимая из рук мальчика оружие.

– А отчего ты так не любишь республиканцев, Катерозе? – добродушным великосветским тоном поинтересовался Райнхард, обернувшись уже с пристёгнутым палахом на талии. – Можно узнать?

Хотелось без обиняков напрямую спросить, для чего понадобилось порвать в клочки форменный мундир и бросить их под ноги офицерам космофлота, но он не решался выдать такое, будучи уже не в одиночестве. И очень хотелось спросить...

– Они не мужчины, мой сюзерен, – церемонно и спокойно произнесла Катерозе, неспешно выпрямляясь, и даже Эмиль почувствовал себя неуютно, увидев слишком ледяную бездну в её глазах. – Они лжецы, только и всего.

Райнхард почувствовал, что рад тому, что можно просто удивлённо покачать головой, молча сжав губы – это обращение слишком обо многом сказало ему, и он не хотел ничем выдать сильнейшего волнения. Действительно, это был её голос, ободривший его тогда, когда он визжал в молчаливой истерике на весь окружающий мир, утратив зрение после встречи с сыном. Тот самый, что только что указал, что она вне себя от радости, что он видит окончательно. Но Господи, она великодушна настолько, что даже не считает возможным уточнить это обстоятельство? Можно вообще не объясняться по этому вопросу, стало быть? Какой невиданный подарок, за какие это заслуги ему вдруг такое счастье... Что ж, пусть наверху меня сочтут малодушным слабаком, но я воспользуюсь этой возможностью и промолчу, по крайней мере, сегодня... Устал.

– Ладно, тебе лучше знать, я об этом так не думал, – растерянно ответил он, дабы ответить хоть что-нибудь.

– В своей жажде убивать тех, кто не такие, как они, они никогда не успокоятся, – полным безразличия тоном сказала она. – Так что мира никогда не будет, а все слова о мирном сосуществовании – трусливые попытки выгородить себе передышку.

– Смотри только, чтоб тебя не убили, седьмая валькирия Одина, – лучезарно улыбаясь, сказал Райнхард, приближаясь, чтоб подать ей руку. – Иначе я буду очень горевать, очень.

Катерозе с апломбом вскинулась, подняв голову намного выше, чем было положено по протоколу...

– Я воин Христов, так что задолбаются стараться, Ваше величество, – тихо сказала она, но эти слова были посильнее удара грома для кого угодно, кто мог это слышать. – Сим победиши, – столь же тихо добавила она, склоняясь в вежливом поклоне.

– Вот как, – с насмешливым апломбом откомментировал Райнхард, продолжая улыбаться. – Сегодня и начнём, – и, галантно подав руку собеседнице, потряхнул роскошной золотой гривой. – Ты рыжая, как Биттенфельд, и такая же несносная, видимо.

– Разве не как Кирхайс? – оторопело возразила Катерозе с обидой в голосе. – Юлиан мне и в этом наврал?

Райнхард остолбенел на краткий миг – ему показалось, что откуда-то издали звенит знакомый с детства смех...

– Вот как, – озадаченно проворчал он, не особо понимая, что говорит. – Нашла, что вспомнить накануне драки. Сам не знаю, что тебе на это сказать, право. А что, наделал Кирхайс шуму тогда на Изерлоне, стало быть?

– О, прошу прощения за столь неприличные слова, Ваше величество, но их будет необходимо применить, если Вы желаете знать правду касаясь этого вопроса, – тоном прожженной придворной произнесла Катерозе, однако взгляд её был при этом столь тёплым и дружеским, что Райнхард предпочёл просто довериться собеседнице, ничего не боясь на деле.

– Выкладывай, как есть, – слабо улыбнувшись, разрешил он.

– А дело просто в том, что всё то недолгое время, что Кирхайс провёл на виду у армии Союза, – тем же тоном продолжила фройляйн фон Кройцер, – вся эта армия поголовно молча стонала от оргазма, пожирая его глазами, и Ян Вэньли от стыда сидел мрачнее тучи, совершенно не зная, что ему с этим безобразием делать. А что ж не злиться, когда больше половины народа, будь у них такая возможность, побежали бы за гостем куда глаза глядят, да ещё и собственный приёмный на разговор к нему набился. Вот такие пироги с ягодой, и я ещё это использую на полную мощность, Ваше величество.

Райнхард позволил себе расхохотаться, запрокинув голову. Всё оказалось и проще и сложнее, чем он мог подумать.

– Это в самом деле так было, ты не шутишь? – спросил он, ощущая себя тем же полным сил юношей, что интересовался у друга, как выглядит этот загадочный флотоводец Ян, и лишь молча помотал головой от радости, увидев вежливый кивок.

– Что ж, покажем теперь республиканцам, что нынче не их свадьба, – подмигнув по-приятельски, весело сказал Райнхард.

– Ваше величество, – почти умоляющим тоном произнесла вдруг Катерозе, и, дождавшись молчаливого разрешения продолжать, выпалила. – А правда, что когда Юлиан притащился на Ваш флагман, Вы страдали от лихорадки так, что не смогли бы встать с кресла?

– Да, это так, – нисколько не смущаясь и не потеряв ни грана весёлости, произнёс Райнхард. – Температура у меня была под тридцать девять или даже крепче, толком сейчас не помню. А что?

– Да так, – с чувством закусив губу и слегка побледнев, – это очень важная деталь, спасибо. Кто над кем в таком случае издевался, мне лично уже полностью понятно, – добавила она совсем тихо, явно в такт собственным мыслям, и сверкнула такой мощной молнией в глазах, что император лишь молча покачал головой и осторожно закрыл фатой её лицо.

– Идём, нас уже ждут. Укажем республиканцам на их настоящее место, Катерозе.

2. Призрак Яна Вэньли

Юлиан был счастлив – во всяком случае, так ему казалось. Ослепительный солнечный свет озарял день его торжества – всё же Аттенборо прав, в чём-то ему удалось перещеголять адмирала Яна, чья свадьба была более чем скромной. Интересно, как бы реагировал Ян на его месте, когда посажённым отцом невесты является сам Император? Наверняка пробормотал бы себе под нос что-то вроде: «Это жжжжж неспроста...» Однако, сейчас на женихе красуется его же парадный мундир, который Яну пришлось снять, помнится, на своей свадьбе тот страдал сильно в непривычном гражданском платье. Но разве не символично это всё сейчас – когда соглашения насчёт конституционализма и парламента вот-вот будут достигнуты, а иначе для чего все эти поблажки со стороны императора Райнхарда? Наверняка оттого, что молодой правитель Галактики симпатизирует идеям демократии и республиканского строя, ведь он же говорил перед смертью, что не против, если Императрица сочтёт нужным...

Сожалеть о том, что странный основатель новой династии Лоэнграммов всё-таки не только не умер, но отчего-то день за днём чувствует себя всё лучше, Юлиан не смел – слишком сильной симпатией он, всё же, успел проникнуться к этому амбициозному завоевателю: слишком благороден был этот воин, изящно подарив его жизнь Катерозе. Вопрос о женитьбе после подарка Императора Юлиану даже не пришлось поднимать со своей своенравной возлюбленной, коль скоро она не отказалась от свадьбы при дворе действующего венценосца – а иначе, право, Юлиан не представлял, как бы он обратился к своей даме с предложением руки и сердца. Особенно после того, как выяснилось, что августейший фехтовальщик, трижды победивший его в открытом поединке, был ещё и полностью слепым – какое счастье, что об этом факте следует умалчивать! Иначе героически погибший едва ли не у него на глазах капитан Шейнкопф, отец Катерозе, наверняка хохотал бы над своим новым начальником до упаду – просто так, не из желания поглумиться, но всё же видеть это было бы очень обидно. Да и Поплан бы долго разорялся насчёт бездарности доставшегося ему ученика, клял свою несчастную судьбу, позволившую ему дожить до такого позора, и визжал бы, не переставая на эту тему все три с лишним недели без остановки. Куда он пропал, интересно, заявив, что намерен стать пиратом? Ни следа, ни весточки – может, у него не очень хорошо пошли дела, раз даже такое событие, как свадьба любимой ученицы, не сподобило этого величайшего весельчака всех времён и народов посетить её? Можно было бы расспросить о нём Конева, но после их последней дурацкой стычки тот и слышать ничего не желает «об этом мерзком бабнике и скандалисте»...

Конев, кстати, обещал нынче поддержать команду жениха – хоть это радует. А то хотя и передали с половины невесты, что традиционных мучений с процедурой выкупа и задариваний подруг и тёщи не будет вообще, равно как похищений самой невесты и её туфельки, на душе как-то беспокойно. Хоть обычная суета и утомительна, но понятна и логична, всегда из команды невесты имеется утечка информации, что за каверзы запланированы там. А нынче – чего можно ждать от этих чопорных имперцев? – проще рехнуться, чем предположить что-то правдоподобное...

Зачем Катерозе постоянно консультируется с Оберштайном едва ли не по две трети суток всю неделю? Даже уже и думать неохота, эти постоянные звонки с Хайнессена, обмен новостями и указаниями... Юлиан не мог включаться в тему на таком бешеном темпе, и предпочёл утешиться уже тем, что его помощь при решении всякого рода вопросов почти не требуется. Поначалу он разок даже взревновал, когда после злосчастной аудиенции с дуэлью Император ни разу не пожелал пригласить его снова, как обещал – а ведь до того тот с удовольствием слушал все рассказы о Яне Вэньли. С другой стороны, помощь Катерозе трудно переоценить – ведь именно она подхватила инициативу в переговорах, которую венценосец так коварно вырвал

у Юлиана из рук. И она права: устроив свадьбу именно таким образом, можно рассчитывать на поддержку населения родной планеты, жаль только, что снова в тени самовластного главы нового Рейха. Что ж, возможно, как раз после сегодняшней грядущей церемонии Император и намерен разговаривать всерьёз о введении конституционализма? – будучи во многом мальчишкой, он проверяет на серьёзность соперника ещё раз: не откажется ли республиканец жениться на даме сердца.

«Дурак я, что ли, если счастье само плывёт в руки? Хотя, конечно, адмирал Ян всё же сам сделал своей даме предложение, и успел с этим накануне лобовой схватки с Императором, той самой знаменитой дуэли в космосе под Вермиллионом... Но я же не знал заранее, что поединок на клинках состоится в природе – так что тут я ни при чём... Но вспоминать страшно. Так страшно, что сразу напиться хочется. Дурак же я был, постоянно отбирая бутылку с бренди у покойного Яна, сейчас бы самому глоточек не помешал. А то вон Аттенборо знай себе, насвистывает что-то грустное под нос и всё глядит на облака – что он там видит, а?...»

Юлиан поднял голову вверх, прикрыв чуток ресницами глаза от слепящих лучей, и отчётливо различил в окне белое платье невесты. Ага, она его видит – прекрасно, парадный республиканский мундир сидит на нём будто влитой, пусть порадуется, как он браво выглядит. Точно, рада – даже показывает кому-то через экран связи... Нужно улыбнуться шире, в таком случае. Исчезла из окна – ох уж эти дамские капризы, видимо, не хочет, чтоб он знал, что замечен. Ну да ничего, среди облаков вдруг померещилось лицо адмирала Яна, с обычным прищуром и усмешкой, вот только понять, что они означают, так и не получилось, и видение растаяло среди ясного неба между двумя крупными фронтами кучевых облаков, белых, как парадный мундир. Юлиан с грустью вздохнул и перестал смотреть на небо, опасаясь, что глаза не вовремя заслезятся или он снова что-то упустит из происходящего. Так и есть, упустил за ликованием от того, что республиканская форма замечена, кое-что новое – прямой проезд к дому давно всюю перегородила целая стая хищных чёрных лимузинов повышенной комфортности. Нетрудно догадаться, чьё прибытие замаскировано их появлением... Однако уходящая за угол часть улицы была ещё свободна, и оттуда совсем не с чинным неспешием мчался ещё один, с тонированными стёклами и полностью распахнутым окном у водителя, чей огромный локоть весьма нахально выглядывал наружу, пусть и облачённый в офицерский мундир космофлота Империи...

Мгновенно приблизившись, лимузин столь же мгновенно припарковался, лихо вильнув при этом задом, и, хотя и слился с толпой собратьев, оказался ближе всех к стоящим на тротуаре жениху и его дружке. Водитель, рослый рыжий имперский капитан, молниеносно покинул своё место, дабы галантно помочь выбраться даме из авто, и затараторил при этом очень знакомым баритоном:

– И нисколько не опоздали, дорогая, даже ждать придётся! Так что вот, обещал я тебе, что ты своими глазами увидишь Императора, и так оно нынче и будет! Кроме того, – тут кавалер заметно понизил голос, впрочем, от этого хуже слышно его не стало, – учти тот факт, что жених на этой свадьбе танцевать не умеет, а в таких случаях по традиции это приходится делать тоже посажённому отцу, смекаешь, какая штука?

– О! – с мощнейшей гаммой эмоций произнесла ослепительная шатенка в стандартном длинном платье для торжеств, вытаращившись на ухажёра с восторгом и благодарностью. – А-а, ведь вдова Яна ещё не вышла замуж, да... Как же это они, не научили сына танцевать? В Рейхе это просто не поймут, ха-ха!

Аттенборо злобно поёжился и повернулся боком к зрелищу настолько, насколько это было вообще возможно, и с досадой закусил губу. Юлиан Минц просто остолбенел, не шевелясь. Имперский капитан весело пожал плечами в ответ, хитро прищурившись и сделав очень знакомый жест «умываю руки»...

– Ну, тогда, дорогой, – с радостным апломбом хозяйки положения, тоном, слишком напоминающим мадам Казельн, продолжала его дама, сиятельно улыбаясь и покачивая классической лодочкой из-под длинных бирюзовых оборок, – должна тебе сообщить кое-что. Двойня, папаша, думаю, мальчики...

– Йохо-хо!!! – этот развесёлый вой Юлиан и Дасти слышали слишком часто много лет, чтоб можно было ошибиться в его владельце, а тот тем временем, схватив свою даму в охапку, сделал несколько кругов на месте, затем поставил её на ноги и взялся церемониально перещеловывать ей пальцы, вальяжно рухнув на колени. – Только чур, родная, если это будут мальчики, пусть там не будет золотоволосых и голубоглазых, а то насмотришься сегодня на Императора, да такие и родятся! Твой брат и папа решат, что я сплеховал...

– Чтоб мне сквозь землю провалиться! – прошипел Аттенборо почти шёпотом. – Везде успел шельмец...

– Не решат, твоё происхождение всё извиняет, мы ж не знаем толком, как выглядела твоя родня, – со смехом отозвалась будущая мама. – Ах, оставь любезности до дома, а то мы привлечём лишнее внимание. Встань. Может, тебе стоит счесть нужным поприветствовать старых друзей? – добавила она так тихо, что слышал только тот, к кому она обращалась, но Дасти Аттенборо прочёл это по её губам.

– Слона-то я и не приметил, – фыркнул Поплан, поднимаясь с колен. – Инда залетела ворона в барские хоромы, понимаешь, – тихо процедил он сквозь зубы, затем, успешно сделав вид, что только сейчас заметил парочку в республиканских мундирах, беззаботно помахал им рукой. – Держите хвост пистолетом, парни, это вам не шахматы! Или Катерозе разрешила Вам эту экипировку, а? – добавил он с такой бесстыжей улыбкой, на которую никогда никто ещё не нашёлся, что ответить.

– Чёрт знает что! – рявкнул Дасти уже в голос, повернувшись лицом к нему. – Ну что значит «разрешила»? Нынче что, сезон диктата женатиков, что ли?

– Нынче сезон свадеб, открытый мной, если что, – с прежним несносным апломбом отпарировал Поплан, галантно подавая руку своей даме – та с грацией доминантной самки уцепилась за неё. – Кабы вы ко мне припёрлись вот так, я бы тоже не понял этого. Неужели надеть было нечего?

– Какого чёрта... – наконец обрел дар речи Юлиан, – какого черта Поплан – капитан флота...???

– Адмирала Валена, – с чопорным кивком закончил тот, перестав улыбаться. – Прости, Юлиан, но проигнорировать просьбу Катерозе я не мог. Это её свадьба, и тебе следовало у неё спросить, как быть.

– Но почему, почему? – скорбным тоном вопрошал Минц, горестно всплеснув руками. – Как же можно, Поплан, разве не Вы ненавидели Империю?!...

– Гольденбаумов, – тем же тоном ответил бывший республиканец, снова чопорно кивнув, – но не Лоэнграммов, как известно. Когда тебе самому стукнет за тридцать, ты поймёшь, что быть вечным лейтенантом неизвестно чего – очень скучно, и разве моя вина в том, что Союз не ценил кадровых военных и людей вообще, Юлиан? Ничего, кроме горя, идеи республики людям не принесли, а я, как известно, всегда считал, что множить нужно радость, а не скуку!

– Вы сказали, что станете пиратом! – почти со слезами выпалил Юлиан.

– А потом у меня появилась идея получше! – с прежним узнаваемым озорством парировал Поплан, ослепительно улыбнувшись. – Когда-то я тоже полагал, что смогу сделать счастливыми почти половину человечества, но понял, что мне зачтётся, даже если получится осчастливить одного человека, – он выразительно кивнул на свою зардевшуюся от гордости спутницу. – А если я даже этого не смогу, то всё остальное – бесполезная шелуха. Подумай над этими моими словами – они вполне годятся в качестве свадебного подарка, поверь.

– Вы издеваетесь, Поплан! Вы, преданный адмиралу Яну до последнего вздоха, вы сейчас...

– Вот именно! – спокойно оборвал тот бывшего начальника, выразительно подняв палец к небесам и многозначительно прищурившись, как всегда делал, пытаясь подчеркнуть важность своих слов. – Лично адмиралу Яну, а не абстрактным разговорам о светлом будущем. Но мёртв не только Ян, но ещё куча блестящих людей, верных ему – и что дальше? Ритуальное самоубийство, да, как у команды Бьюкока? Благодарю, не нужно, я всегда жизнь любил и любить буду. Чего и тебе очень советую, Юлиан. Подумай.

– Идём, дорогой, мальчик ещё молод и нервничает к тому же, – тихо проворковала дама. – У него ещё есть время повзрослеть самостоятельно, не трудись.

– Прошу прощения, ребята, – ехидно ухмыльнувшись, вежливо проговорил Поплан, – но я нынче ещё и подкаблучник, в мире всё меняется. Желаю счастья, а ты, Аттенборо – последний лоботряс, тоже женись – а то примут за чёрт-те что скоро, – и, величественно кивнув, словно заправский аристократ, он поспешил удалиться, как будто ничего не произошло.

– Он всегда был нахалом, – угрюмо процедил Дасти, помрачнев, как грозовая туча, – но именно сейчас его появление меня очень не обрадовало. И, похоже, дело вовсе не в нём, что и печально.

– Ладно, не стоит унывать, мало ли крыс в своё время сбежало с Изерлона, – миролюбиво пожал плечами Юлиан, пытаясь разрядить обстановку.

– Крысы – не идиоты сбегать просто так, – мрачно проговорил Аттенборо, глядя себе под ноги. – Да и он – не крыса, далеко, знаешь ли! – рывкнул он вдруг в лицо собеседнику. – Если помнишь, он свалил после того, как оказалось, что твой проект конституции полностью совпадает с тем, что предлагал Иов Трюнихт! Стало быть, вместо того мертвеца мы можем вырастить нового, возможно, ещё хуже! – и продолжил, уже не смущаясь тем, что тот отшатнулся от него, умоляюще задрал ладони вверх. – Паук застрелен, да здравствует паук, что ли? Или снова слово адмирала Яна священно лишь потому, что его произнес он, а не кто другой? Ян вовсе не политик, ты это знаешь лучше меня даже, сколько раз он давал помыкать собой кому попало. Тогда почему стоило смениться главе Рейха, как там всё стало отлично, а в Союзе после ухода Трюнихта с поста главы Совета началось самое дерьмо? Где доказательства, что республика лучше, а?

– Зачем ты говоришь мне это сейчас? – с укоризной сказал Юлиан, покачав головой.

– Интересно, а когда мне было что-то говорить тебе, одухотворённая пьянь? Кто за три недели не сделал ни единой попытки что-то шевельнуть или изменить? – сурово процедил Дасти, с вызовом подбоченясь. – Я – адмирал неизвестно чего уже, в подчинении у лейтенанта, пусть, но разве моя работа заниматься конституцией и убеждать Лознграмм в нужности её? Теперь я понял, что ты не внёс не единого отличия от трюнихтовской, потому она и неинтересна Лознграмму!

– Это не так, – поспешил его заверить Юлиан, говоря нарочито доверительно и спокойно. – Лознграмм просто был болен эти дни, да и свадьба его, как родового аристократа, разумеется, интересует и забавляет. Как только мы её проскочим, дело сдвинется с мёртвой точки.

– В самом деле? – глумливо скривился в ответ собеседник, явно демонстрируя, что не впечатлён ни единым словом. – Человек, выступающий в этом качестве на такой чужой свадьбе, вряд ли настолько болен, чтоб отказать себе в обсуждении интересующей его темы. И уж кто-кто, а этот представитель племени аристократов ничем не доказал ещё, что унаследовал привычки, приписываемые нашими идеологами этому классу – не то они нам всё ввали про них, не то эти привычки на деле в другом состоят. Кроме того, ты, очевидно, полагаешь, что те, кто был рядом с тобой в безвыходном положении, должны всегда сидеть возле тебя, что бы

ни случилось. Как думаешь, это утверждение логично, если учитывать, что люди хотят жить вообще-то, а не упиваться фантастическими идеалами?

– Дасте, что случилось? – обмер Юлиан, надеясь вызвать того на откровенность.

– Как что? Или ты ничего не понял до сих пор? Кому интересна будет твоя конституция, если она ничуть не вдохновляет такого правителя, как Лоэнграмм? Не ты ли как-то назвал его же самым демократичным кандидатом – если что, за него подадут голоса не только все его подданные, но и большинство народа на территории бывшего Союза? И что потом буду делать я – утирать тебе сопли, когда ты будешь жалобно уверять всех и каждого, что хороший и предлагаешь хорошие идеи? – Аттенборо говорил всё более спокойно и пренебрежительно, и это уже начинало пугать. – Хороша идея, как же – давайте грохнем прекрасного правителя ради того принципа, что он не соответствует неким нашим, ни разу успешно не доказанным принципам! Ян мёртв, Шейнкопф мёртв, Бьюкок мёртв, Машунго тоже, куча народа с ними – мертвы, каждый, кто придерживался этого мнения – мертвец, даже Трюнихт и Лебеллю! Не странная ли закономерность, Юлиан, не настораживает ли? Хочешь, чтоб и Катерозе погибла, во имя твоих амбиций?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.